

Палиенко Николай Иванович

**Основные законы и форма
правления в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Н63

Н63 **Николай Иванович П.**
Основные законы и форма правления в России / Палиенко Николай Иванович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 78 с.

ISBN 978-5-521-27133-7

ISBN 978-5-521-27133-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ституціонный представительный строй, хотя сравнительно наименѣ развитого типа, и Россія изъ абсолютной монархіи превратилась въ монархію конституціонную, ограниченную, представительную ¹⁾).

Мы имѣемъ въ виду въ настоящей статьѣ со своей стороны обратиться къ выясненію юридически определенной формы правленія въ Россіи. Выясненіе этого вопроса требуетъ предварительнаго сопоставленія и приведенія въ связь дѣйствующихъ государственныхъ нормъ съ нормами, опредѣлявшими существо нашего государственнаго строя до послѣднихъ преобразованій. Это необходимо, какъ потому, что новыя государственно-правовыя нормы лишь въ извѣстной части, хотя и кореннымъ образомъ, измѣнили дѣйствовавшій государственный правовой порядокъ, такъ и потому, что нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ въ себѣ даже весьма важныя заимствованія изъ понятій и терминологіи стараго права, возбуждающія особенныя затрудненія при толкованіи нынѣ существующаго строя. Таковы особенно включенный и въ новые основные законы терминъ «самодержецъ», «самодержавный», «самодержавная власть», а въ 222 ст. Учр. Имп. фамиліи и терминъ «неограниченный самодержецъ».

Юридическія основы нашего стараго государственнаго строя были ярко выражены въ томѣ I ч. I Св. Осн. Госуд. Законовъ изд. 1892 г.

Именно въ раздѣлѣ первомъ, трактующемъ «О священныхъ правахъ и преимуществахъ Верховной Самодержавной Власти» говорилось: «Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный. —

¹⁾ См. напр. *Н. И. Лазаревскій*: Лекціи по русскому государственному праву, 1908 г. т. I, ст. 119 сл., 134 сл.; Проф. *В. Н. Пашинскій*: Учебникъ государственнаго права, 1908 г. ст. 336 сл., 379 сл. 2-е изд. 1909 г.; См. также новѣйшее 6-е изданіе курса *Киркюпова* «Русское государственное право, т. I, 1908 г. подъ редакціей и съ дополненіями пр.-доц. Авалова, Горенберга и Соколова; См. Дополненіе редакторовъ, стр. 214—215. Иначе квалифицируетъ нашъ государственный строй нѣмецкій ученый проф. Hatschek. Въ недавно вышедшей своей книгѣ «Allgemeines Staatsrecht auf rechtsvergleichender Grundlage», Leipzig, 1909 г., Theil I, Hatschek, не приводя къ тому никакихъ доказательствъ, и не подвергая не только анализу, но даже самому поверхностному обзору, опредѣляющія русскій государственный строй нормы, просто относитъ Россію къ категоріи «абсолютныхъ» монархій, хотя съ наличностью народнаго представительства.

Повиноваться Его власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ», и за тѣмъ въ статьѣ 2 говорилось, что «Та же власть верховная и самодержавная принадлежитъ и императрицѣ, когда наслѣдство престола въ порядкѣ, для сего установленномъ, дойдетъ до лица женскаго»...

Далѣе, «Императорскій Всероссійскій престолъ есть наслѣдственный въ нынѣ благополучно царствующемъ Императорскомъ Домѣ» (ст. 3 Осн. Зак.).

Такимъ образомъ, форма правленія, какъ она ясно опредѣлялась въ прежнихъ Осн. Законахъ, есть неограниченная наслѣдственная монархія «Божіею милостію»; указаніе на религіозный источникъ и санкцію императорской власти содержалось, какъ и нынѣ содержится, въ титулѣ Императора «Божіею поспѣшествующею милостію, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій» и находитъ свое наглядное выраженіе въ торжественномъ обрядѣ коронованія и миропомазанія, совершаемомъ по опредѣленію Основныхъ Законовъ (ст. 35 Осн. Зак., нынѣ ст. 58) по вступленіи на престолъ. Русскій монархъ также именовался, какъ и нынѣ именуется, «истиннымъ и природнымъ» (выраженіе, употребленное въ формѣ всенародной присяги на вѣрность подданства. Прилож. V къ Основн. Законамъ изд. 1892 г. и изд. 1906) государемъ своихъ подданныхъ. Этимъ выражается идея, что русскій монархъ обладаетъ первоначальной, а не делегированной властью, производитъ свою власть непосредственно отъ Бога или, выражаясь старой французской формулой монархической власти, «держитъ свою власть лишь отъ Бога и себя самого» — «ne tient de nullui fors de Dieu et lui» ¹⁾. Абсолютный суверенитетъ монарха проведенъ былъ въ прежнихъ Основныхъ Законахъ самымъ послѣдовательнымъ, категорическимъ образомъ. Монархъ являлся единственнымъ носителемъ всей законодательной власти (см. ст. 47 и 51 Осн. Зак.) и власти управленія «во всемъ ея про-

¹⁾ Символическимъ изображеніемъ этого принципа является то, что при коронованіи Императоръ самъ беретъ скипетръ и державу, показывая тѣмъ, говоритъ проф. Романовичъ-Словатинскій (Пособіе для изученія рус. госуд. права. Вып. I, стр. 47), всенародно свое самодержавіе.

странствѣ» (ст. 80 Осн. Зак.). Въ законодательной дѣятельности монарху содѣйствовали лишь законосовѣщательныя учрежденія, въ сферѣ же «управленія верховнаго» власть его дѣйствовала непосредственно, а въ «подчиненномъ управленіи» опредѣленная степень власти ввѣрялась отъ Монарха мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ его именемъ и по его повелѣнію (ст. 80 Осн. Зак.) ¹⁾. Опредѣляя «Существо Верховной Самодержавной Власти», наши старые Основные Законы характеризовали ее двумя признаками, какъ «неограниченную» и какъ «самодержавную». Въ статьѣ I Основн. Закон. термины «самодержавный» и «неограниченный» стояли рядомъ, связанные союзомъ «и»: «Императоръ Всероссійскій есть Монархъ, самодержавный и неограниченный»... Такое сочетаніе этихъ терминовъ въ Основныхъ Законахъ возбудило въ средѣ истолкователей русскаго государственнаго права разногласіе по вопросу о томъ, являются ли понятія «неограниченности» и «самодержавія» ²⁾ въ Осн. Зак. однозначными или каждое изъ нихъ имѣетъ свой особый смыслъ. Въ виду того, что терминъ «самодержавный» для обозначенія власти монарха принять и въ нынѣ дѣйствующихъ Основныхъ Законахъ, а терминъ «неограниченный», хотя и опущенъ при опредѣленіи «существа» власти монарха, но оставленъ въ ст. 222 специальной части дѣйствующихъ Основныхъ Законовъ, именно во второмъ раздѣлѣ ихъ, «Учрежденіи объ Императорской Фамиліи», то разъясненіе этого словоупотребленія законодателя въ нашихъ прежнихъ Основныхъ Законахъ далеко не утратило своего значенія и для дѣйствующихъ Основныхъ Законовъ, копировавшихъ и повторявшихъ многое изъ прежнихъ Основныхъ Законовъ.

¹⁾ Въ частности, о тождественномъ съ вышеуказаннымъ положеніемъ русскаго монарха въ области церковнаго законодательства и управленія по нашимъ прежнимъ Основнымъ Законамъ, и о томъ, что церковная власть признавалась въ законахъ лишь «однимъ изъ направленій высшей государственной власти», см. проф. *В. Н. Тажикотскій*: «Положеніе Императора Всероссійскаго въ русской православной церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти». Юр. Записки Демид. Юрид. Лицея. Вып. I, 1909 г. стр. 47—80.

²⁾ Слово «самодержецъ» — переводъ греческаго «αὐτοκρατορ».

Обратимся прежде всего къ законодательнымъ источникамъ, на основаніи которыхъ составителями свода при его изданіи была формулирована указанная I статья прежнихъ Основныхъ Законовъ. Въ подстатейныхъ ссылкахъ ст. I Осн. Зак. на первомъ мѣстѣ поставлена ссылка на № 17906 Полн. Собр. Зак. Учрежденіе объ Императорской фамиліи 5 апр. 1797 § 71. Тутъ Императоръ Павелъ I опредѣляетъ «о нарушающихъ порядокъ отношеній къ монарху членахъ императорской фамиліи»... царствующій, яко неограниченный Самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ право отъ назначеннаго нами отрѣшить и поступать, какъ съ неповинующимся волѣ нашей и волѣ каждаго, мѣсто наше занимающаго». Въ указанномъ случаѣ словоупотребленіе «неограниченный Самодержецъ» даетъ основаніе приписывать различное значеніе терминамъ «неограниченный» и «самодержавный», иначе нечего было бы говорить «неограниченный Самодержецъ» ¹⁾).

Соотвѣтственно съ этимъ и въ Осн. Зак. Учрежд. о Импер. фамиліи ст. 178, изд. 1892 г., какъ и въ дѣйствующемъ Учрежденіи о Императорской фамиліи ст. 222, дословно почти вездѣ копирующемъ старое Учрежденіе о Императорской фамиліи, говорится: «Царствующій Императоръ, яко «неограниченный Самодержецъ, во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ власть отрѣшать неповинующагося отъ назначенныхъ въ семъ законѣ правъ и поступать съ нимъ, яко преслушнымъ волѣ Монаршей»!

Въ слѣдующемъ источникѣ I ст. Осн. Зак. изд. 1892 г.—Полн. Собр. Зак. № 3006, Уставъ Воинскій 30 марта 1719 г. арт. 20, толкованіе—говорится: «Ибо Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не

¹⁾ Н. М. Коркуновъ: Рус. госуд. право, т. I, 1899 г. стр. 202, замѣчаетъ: «если составители свода на первое мѣсто поставили ссылку именно на Учрежденіе Императорской Фамиліи, то это объясняется вѣроятно тѣмъ, что въ одномъ этомъ актѣ встрѣчается принятое въ Сводѣ сочетаніе опредѣленій: «самодержавный и неограниченный».—Это совершенно вѣрно, но догматическій анализъ нашихъ законовъ не можетъ однако игнорировать такое выдѣленіе этого источника и проведенное въ самомъ законѣ сочетаніе этихъ опредѣленій, какъ двухъ особыхъ свойствъ власти.

долженъ, по сему и власть имѣтъ свои государства и земли, яко Христіанскій Государь, по своей волѣ и благомѣнѣнію управлять», при чемъ добавляется, что «все упомянутое въ этомъ артикулѣ относится и къ Ея Величеству Царской супругѣ и Его государства наслѣдію».

Въ этомъ источникѣ употребленъ лишь терминъ «самовластный», а не термины «самодержавный» и «неограниченный»; въ параллельномъ же нѣмецкомъ текстѣ Воинскаго устава терминъ «самодержавный» передается терминомъ «суверенный». (Denn Seine Majestät sind ein souveräner Monarch...). Этотъ источникъ съ своимъ терминомъ «самовластный» не даетъ указанія для выясненія соотносительнаго значенія терминовъ «самодержавный» и «неограниченный»¹⁾. Можно лишь сказать, что терминъ «самовластный» выражаетъ суверенитетъ монарха, который по смыслу приведеннаго источника является при этомъ абсолютнымъ, вслѣдствіе чего приведенный источникъ можетъ служить основаніемъ для употребленнаго въ ст. I Осн. Зак. скорѣе термина «неограниченный», а не «самодержавный». То же самое должно сказать и о слѣдующемъ источникѣ I ст. Осн. Зак. изд. 1892 г. II. С. З. № 3485 Уставъ Морской 1720 янв. 13 кн. V гл. I ст. 2, толк., повторяющемъ буквально вышеприведенный текстъ Устава Воинскаго («Ибо Его Величество есть Самовластный Монархъ»...).

Далѣе подъ ст. I Осн. Зак. сдѣлана ссылка на II. С. № 5509, Манифестъ 28 февр. 1730 г. «О вступленіи на Россійскій престолъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Анны Іоанновны, о воспріятіи Самодержавія и объ учиненіи вновь присяги». Тутъ относится къ интересующему насъ вопросу слѣдующее мѣсто: «понежѣ потомъ вѣрные жъ Наши подданные всѣ единогласно Насъ просили, дабы Мы Самодержавство въ нашей Россійской Имперіи, какъ издревле

¹⁾ Это признаетъ, повидимому, и проф. Н. М. Коржуновъ, Рус. госуд. право, т. I, 1899 г. стр. 202: «это неудачное и нигдѣ болѣе въ нашемъ законодательствѣ не встрѣчающееся выраженіе: «самовластный», какъ видно изъ нѣмецкаго текста артикула употреблено въ смыслѣ «суверенный».

прародители Наши имѣли, воспріять соизволили, по которому ихъ всенижайшему прошенію, Мы то Самодержавство воспріять и соизволили». — Далѣе, содержится приказъ «вновь присягу сочинить», и напечатать ее «по которой всѣ вѣрные Наши подданные (въ самой формулѣ присяги добавлено еще и «рабы») въ вѣрности своей къ намъ, яко Самодержавной Государынѣ, присягать должны». — Историческія событія, вызвавшія этотъ манифестъ, отверженіе Императрицей ограниченій императорской власти, проектированныхъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и принятыхъ было Императрицей ¹⁾), даютъ полное основаніе понимать «самодержавіе» въ Манифестѣ 1730 г., какъ однозначущее съ «неограниченностью» власти ¹⁾).

Наконецъ, послѣдній изъ указанныхъ подъ ст. 1 Осн. Зак. изд. 1892 источниковъ П. С. З. № 3718 янв. 25. 1721 Регламентъ или Уставъ Духовной Коллегіи ч. I, п. 2 гласитъ: «Монарховъ власть есть самодержавная, которымъ повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ, обаче совѣтниковъ своихъ имѣютъ не токмо ради лучшаго истины изысканія, но дабы и не клеветали непокоривые человѣцы, что се или оно силою паче и по прихотямъ своимъ, нежели судомъ и истиною заповѣдуетъ монархъ».

Слова «монарховъ власть есть самодержавная... обаче (т. е. тѣмъ не менѣе) совѣтниковъ своихъ имѣютъ», указываютъ, что самодержавіе здѣсь употреблено въ смыслѣ нераздѣльности и неограниченности власти; монархъ ни съ кѣмъ власти не раздѣляетъ, и ни кѣмъ не ограниченъ, хотя и имѣетъ при себѣ совѣщательные органы: ради лучшаго изысканія «истины» и «дабы не клеветали непокоривые человѣцы...»

Что здѣсь слова «власть самодержавная» однозначущи со словами «власть неограниченная», подтверждается еще

¹⁾ Членъ В. Т. Совѣта Кн. Д. М. Голицынъ, какъ извѣстно, мотивировалъ своимъ товарищамъ необходимость ограниченія самодержавія слѣдующими словами: «понеже кончиною Петра II мужское колѣно Петра Великаго пресѣклось, Россія же весьма много претерпѣла отъ самодержавной власти..., то надлежитъ сію безмѣрную власть ограничить добрыми законами и не иначе подносить Самодержавной Императрицѣ, какъ подъ извѣстными условіями».

и идейнымъ источникомъ духовнаго регламента. Этимъ источникомъ, какъ доказываетъ убѣдительно проф. Е. Н. Темниковскій, явились сочиненія Пуффендорфа. Именно только что приведенное мѣсто Духовнаго Регламента о цѣлесообразности совѣщательнаго органа при самодержавномъ монархѣ инспирировано разсужденіемъ Пуффендорфа (*De Jure naturae* I. VII с. 6 § 12) о значеніи совѣщательнаго органа при носителѣ «абсолютной» власти (*Per... senatum, praesertium ubi regi sit potestas eundem iterum dissolvendi. imperium absolutum esse non desinit...*)¹⁾. Это «*imperium absolutum*» авторъ регламента передаетъ словами «власть самодержавная».

Разсмотрѣніе всѣхъ источниковъ I ст. Осн. Зак. приводитъ насъ къ выводу, что хотя всѣ они характеризуютъ власть монарха, какъ неограниченную, но лишь въ манифестѣ Анны Иоанновны и Духовномъ Регламентѣ терминъ «самодержавный» специально употребленъ для означенія неограниченности власти, въ двухъ же другихъ источникахъ законодатель пользуется своеобразнымъ терминомъ «самовластный», а въ первомъ изъ указанныхъ источниковъ, поставленномъ составителями ст. I Осн. Зак. въ подстатейной ссылкѣ на первомъ мѣстѣ, терминъ «Самодержецъ» сочетается съ терминомъ «неограниченный», какъ имѣющій самостоятельное значеніе, что и выразили также составители ст. I Осн. Зак. словами «самодержавный и неограниченный».

Такимъ образомъ, законодательные источники I ст. нашихъ дореформенныхъ Основныхъ Законовъ не даютъ рѣшительныхъ указаній о соотношеніи терминовъ «самодержавный» и «неограниченный», квалифицирующихъ власть Государя въ ст. I прежнихъ Осн. Зак. и, слѣдовательно, не даютъ основаній и къ столь рѣшительно высказываемому нѣкоторыми утвержденію, что термины «самодержавный» и «неограниченный» въ указанной

¹⁾ Проф. Е. Н. Темниковскій: Одинъ изъ источниковъ Духовнаго Регламента. Харьковъ, 1909 г. *Его же*: Положеніе Императора Всероссийскаго въ русской православной церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти. Юридич. Записки. Изд. Демид. Юрид. Лицея, 1909 г. Вып. I, стр. 58—66.

статьи употреблены, какъ синонимы. Не даютъ также достаточныхъ основаній для отождествленія «самодержавія» съ «неограниченностью» власти и другія, кромѣ указанныхъ въ Сводѣ Законовъ, историческія указанія о словоупотребленіи термина «самодержавіе» въ періодъ времени, предшествующій Своду Законовъ.

Независимо отъ того, что другихъ, кромѣ вышеприведенныхъ источниковъ ст. I Осн. Зак. составителями не показано, и, слѣдовательно, для истолкованія этой статьи мы должны считаться съ текстомъ Основного Закона и его источниками, но и въ другихъ источникахъ слово «самодержавіе» употреблялось въ различномъ смыслѣ.

Такъ, терминъ «самодержавіе» употреблялся въ смыслѣ высшей верховной власти, суверенитета, съ подчеркиваніемъ его такъ называемой внѣшней стороны (международно-правовая сторона суверенитета)—въ договорѣ Екатерины II съ грузинскимъ царемъ Иракліемъ. Въ Екатерининскомъ Наказѣ ст. 9 «самодержавіе» употреблено въ смыслѣ соединенія всей власти въ лицѣ монарха «государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ соединенная въ его особѣ власть, не можетъ дѣйствовать сродно съ пространствомъ столь великаго государства».

Самодержавіе понимали и въ смыслѣ «единоначальствованія»¹⁾. Иванъ Грозный употреблялъ терминъ «самодержавный» въ смыслѣ первоначальности царской власти и одновременно въ смыслѣ ея нераздѣльности и неограниченности²⁾.

При такомъ положеніи вопроса не удивительно, что и въ литературѣ нашего государственнаго права истолкователи дореформенныхъ Основныхъ Законовъ, начиная съ самого составителя Свода графа Сперанскаго, расходятся во мнѣніяхъ относительно значенія терми-

¹⁾ Въ степенной книгѣ, составленной въ XIV в. митрополитомъ Кипріаномъ написано: «Самодержавное царское скипетроправленіе, иже начаса отъ Рюрика, иже бѣ отъ племени Пруссова, по его же имени прусская земля именуется; Прусь же братъ бысть единоначальствующаго на землѣ римскаго Кесаря Августа»... Цит. у В. И. Сергиевича: Лекціи по исторіи русскаго права. Власть Московскихъ государей. 1890 г. стр. 246.

²⁾ См. объ этомъ ниже.

новъ самодержавія и неограниченности въ основныхъ законахъ.

II.

Графъ Сперанскій, мнѣніе котораго въ данномъ вопросѣ имѣетъ особо важное значеніе, въ своемъ «Руководствѣ къ познанію Законовъ», разграничиваетъ понятія самодержавія и неограниченности ¹⁾. Приводя ст. 1 Осн. Законовъ «Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный», Сперанскій писалъ: «въ сихъ краткихъ словахъ заключается два положенія: 1) что Имперія Россійская есть монархія, въ коей всѣ стихіи державнаго права соединяются въ особѣ Императора; 2) что они соединяются во всей полнотѣ ихъ и пространствѣ и, слѣдовательно, Имперія есть чистая монархія.—Двумя словами, весьма многозначительными, продолжаетъ Сперанскій, выражается въ нашихъ законахъ полнота верховной власти: самодержавіемъ и неограниченностью. И затѣмъ онъ поясняетъ, что слово «самодержавіе» имѣетъ два разные смысла: когда оно прилагается къ государству, то оно означаетъ независимость государства отъ всякой посторонней власти», но въ приложеніи къ особѣ монарха означаетъ «соединеніе всѣхъ стихій державнаго права во всей полнотѣ ихъ, безъ всякаго участія и рѣзденія ихъ». Слова же «неограниченность власти», поясняетъ онъ далѣе означаетъ, что «никакая другая власть на землѣ, власть правильная и законная, не можетъ положить предѣловъ власти Россійскаго Самодержца».

Это разграниченіе Сперанскимъ самодержавія и неограниченности всецѣло было принято въ нашей государственной-правовой литературѣ проф. А. В. Романовичъ-Сладковскимъ ²⁾, но подверглось критикѣ со стороны Н. М. Коркунова, указывавшаго, что въ опредѣленіи Сперанскаго понятія эти по содержанію совпадаютъ. «Соединеніе всѣхъ стихій державнаго права,

¹⁾ Графъ Сперанскій, Руководство къ познанію Законовъ изд. 1845 г. I. О силѣ и пространствѣ верховной власти, стр. 49—57.

²⁾ А. В. Романовичъ-Сладковскій, Пособіе для изученія рус. госуд. права, 1872 г. В. I, стр. 32.

«писалъ Н. М. Коркуновъ, очевидно ничего другого означать не можетъ, какъ то, что не существуетъ никакой другой власти, которая бы ограничивала власть монарха ¹⁾). Но разграниченіе Сперанскаго могло бы предстать въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, если бы, ограничиваясь лишь данными Сперанскимъ основными опредѣленіями понятій самодержавіе и неограниченности и не вдаваясь въ дальнѣйшія его поясненія, сопоставить эти опредѣленія съ одной изъ весьма распространенной въ свое время на Западѣ Европы идеей и формулой о монархической власти. Это—именно формула монархическаго принципа, столь ярко сформулированная въ Хартіи 1814 г. Людовика XVIII, принятая на заключительныхъ актахъ Вѣнскаго конгресса, далѣе въ монархіяхъ бывшаго германскаго союза, и даже, по толкованію нѣмецкихъ государствовѣдовъ, конституціяхъ современныхъ монархій Германской Имперіи.

Эта идея суверенитета монарха именно состоитъ въ томъ, что монархъ, даже конституціонный или ограниченный, сосредоточиваетъ въ своемъ лицѣ всю полноту правъ государственной власти (*quo ad jus*), которой онъ одинъ и обладаетъ по собственному праву, и лишь въ осуществленіи своихъ державныхъ правъ (*quo ad exercitium*) монархъ можетъ быть въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ ограниченъ соучастіемъ другихъ органовъ, какъ то установленнымъ имъ самимъ народнымъ представительствомъ.

«Мы приняли въ соображеніе»,—говоритъ «возвращающійся послѣ долгаго отсутствія» король Людовикъ XVIII во введеніи къ октроированной имъ хартіи 1814 г.—«что, хотя вся полнота власти сосредоточивается во Франціи въ особѣ короля, наши предшественники не колеблясь измѣняли ея отпращиванія (*exercise*), согласно различію времени»... И до нынѣ еще дѣйствующая Баварская конституція, октроированная въ 1818 г., въ отд. II § I—опредѣляетъ: «Король—глава государства, онъ соединяетъ въ себѣ всѣ права верховной власти и осуществляетъ ихъ согласно даннымъ имъ и

¹⁾ Коркуновъ, Рус. Госуд. право, т. I, 1899 г. стр. 202—203.